

4.

Философия и риторика

Алексей Глухов

Свободная речь в «Горгии» Платона

Мы читаем Платона, чтобы понять решение той проблемы, которую обошла стороной политическая философия XX в. — это проблема отношения аномальной свободы и коммуитарной справедливости. Философия прошедшего века, распавшаяся на два ведущих направления, трактовала эту проблему односторонне, избегая разговора о политическом бытии в целом. Платон в определенном смысле опережает наше время, поскольку предлагает свое решение этой проблемы в «Государстве». Диалог «Горгий» дает лишь предварительное представление об этом решении, тем не менее он важен, поскольку позволяет нам понять, что же такое «Государство». «Горгий» весьма близок к «Государству»¹, но это разные тексты, причем главное различие проясняется, если помнить о проблеме свободы и справедливости. «Го-

¹ Исследователи отмечают сходство «Горгия» с I книгой «Государства» (которую иногда считают даже отдельным диалогом «Фрасимах»). В этом сопоставлении «Горгий» значительно выигрывает: «Фрасимах» кажется бледной тенью, черновиком или подражанием в сравнении с оживленной дискуссией в «Горгии».

сударство» — это прежде всего сочинение о поисках справедливости, а «Горгий» — диалог о свободе. Представленное в нем финальное описание справедливости кажется схематичным, оно способно разочаровать или даже вызвать неприязнь (как в случае Х. Арендт). Однако именно «Горгий» объясняет лучше всего, что такое «Государство»: это не просто сочинение философа Платона, диалог в 10 книгах, древний трактат по политической философии, но *суверенный логос*, то есть *свободная речь*, располагающая полной властью для утверждения справедливой картины мира, бытия, общества. Как возникает суверенный логос, что такое свободная речь, почему она справедлива? — Об этом диалог «Горгий».

«Горгий» был, вероятно, написан в 380-х гг. до н.э. Время действия в самом диалоге, «драматическая дата», — конец V в., последние годы Пелопоннесской войны, предшествующие окончательному разгрому Афин. Важнейшие события этого периода — провальная Сицилийская экспедиция 415 г. до н.э., олигархический переворот 411 г. до н.э. Афины все еще столица морской империи, но внутренняя борьба между афинским демосом и образованной элитой станет для города роковой в самом ближайшем времени. Афины потерпят полное военное поражение, а в 404 г. до н.э. власть в городе захватят тираны из комиссии Тридцати.

Сюжет диалога прост. Три основных собеседника Сократа — Горгий, Пол и Калликл, отдельные реплики подает Херефонт, безмолвно присутствуют еще несколько слушателей. Разговор происходит в доме Калликла, который подает первую реплику в диалоге: «На войну и на битву долгие сборы, Сократ!» Сократ опоздал к формальному началу, но принес с собой настоящую битву.

Как обычно, диалог Платона композиционно делится на части по числу основных собеседников. Но последний собеседник, Калликл, вступает в разговор с Сократом уже на середине текста; Пол и Горгий заняты только в первой половине беседы. Калликл, конечно, — интереснейший собеседник, но отнюдь не ему отда-

но все время Сократа до конца текста. Но с кем беседует Сократ в финале, если у него нет других собеседников? С самим собой. «Горгий» — это действительно «битва», достаточно жесткая игра на выбывание. «Война» (πόλεμος) — первое слово в диалоге. Победитель получает все, в данном случае — неограниченную свободу слова.

К «сценографии» платоновского диалога (setting, термин Л. Штрауса) относят авторский выбор времени, места, участников и действия². Однако в «Горгии» уместно говорить о нескольких сценах, связанных не только с внешними условиями, но и с персонажами.

Одни из этих сцен сперва невидимы, другие намеренно скрыты. Явно названа исходная сцена — «дом Калликла». Это дом афинского гражданина, частное, не публичное пространство³. Частное пространство допускает большую откровенность, но и само публичное пространство здесь благоприятствует смелым высказываниям, ведь действие диалога происходит в Афинах, в городе, славящемся самой широкой в Греции свободой речи (ἐξουσία τοῦ λέγειν, возможность слова, право на слово). Казалось бы, созданы все условия для свободы слова. Неудивительно, что собеседники Сократа по очереди претендуют на то, что их собственная речь совершенно свободна. В беседе с Сократом свободная речь его собеседников подвергается испытанию. Они терпят неудачу, но не потому, что Сократ им не дает говорить. Они сами отказываются от дальнейшей борьбы, предпочитая молчание откровенности. Их свободная речь имеет пространственные пре-

² «Логично думать, что сценография выбирается Платоном в согласии с обсуждаемым темой (subject matter), однако взгляд Платона на обсуждаемую тему нам открывается прежде всего через сценографию беседы». *Strauss L. The Problem of Socrates // Interpretation. Winter 1996. Vol. 23. No. 2. P. 182.*

³ Пропуск у Арндт: она полагает, что частное и публичное у греков жестко разведены. Политика — исключительно публичное дело. Поэтому Арндт совершенно не замечает «нелегальное политическое» в платоновских диалогах. В «Горгии» внешнее иногда игнорируется, а скрытое внутри становится видимым.

делу, определяется неназванной сценой, *режимом истины*, являющимся для всякого человека последней опорой его бытия, его *реальностью*, сверх которой — молчание⁴.

Первый собеседник Сократа — *Горгий* из Леонтин, прославленный оратор и софист, автор нескольких сохранившихся произведений, в том числе «Похвалы Елене». В последнем из этих текстов есть фраза, которую можно считать манифестом софистического движения: «слово — величайший властелин». Свобода слова для Горгия предполагает власть слова. Это суверенная свобода, но в диалоге он выступает как ритор, автор речей, а не софист. В чем разница? Сократ в беседе с Полом говорит, что софистика также относится к законодательному искусству, как красноречие — к судопроизводству. Законодательство предполагает обладание всей полнотой власти, тогда как в суде речи произносят конкурирующие стороны. Значит, софистика также претендует на обладание властью, а не просто соперничество. Но на каком основании софист, обычно чужестранец, приезжий грек, мог бы законодательствовать в Афинах? Таких оснований нет. Софистов в Афинах откровенно не любят, другое дело — респектабельное искусство красноречия, находящее применение в судах и советах демократического полиса, где слово противостоит слову. Даже если оратор выступает с показательной речью, он противостоит публике, стремится преодолеть ее недоверие. Риторика, прекословие, предполагает некоторое испытание, она субверсивна. Софистика свободна от испытания, она уже располагает всей властью, она суверенна. Свободная речь Горгия колеблется между двумя этими возможностями. В начале диалога он называет свое искусство — скромно — красноречием, однако выдвигает претензию, обнаруживающую его исключительные амбиции.

⁴ «Горгий» позволяет нам увидеть, какое отношение имеет решение вопроса о свободе и справедливости к проблеме реальности философии, почему вдруг кульминацией поисков справедливости в «Государстве» становится высказывание о том, что находится «по ту сторону существования».

Это противоречие целиком и полностью носит в себе Горгий, Сократ лишь обнаруживает его.

Сократ спрашивает Горгия, сначала заочно, а потом прямо: в чем суть риторического искусства? что такое искусство, которым владеет Горгий? По форме — это определительный вопрос: «Что есть *x* (прекрасное, благо, справедливость)?» Казалось бы, Сократ занимается своим обычным делом, требует определений всего на свете. Нам известно об этой особенности Сократа со времен Аристотеля⁵. В XX в. эта деятельность внушает подозрение. Ж. Делез видит в ней чистый логический экстремизм: «Платон сталкивает Сократа то с юношей, то с упрямым старцем, то с известными софистами», — со всеми без разбора. И каждому Сократ хочет навязать определительную форму вопроса, исключить иные возможности речи⁶. Еще раньше Ницше обвиняет Сократа в установлении власти логической формы над природой человека, в изобретении тирании разума, Арендт обвиняет Платона в установлении тирании истины. Сократ для Ницше — первый «теоретический тип» человека. Платон для Арендт — создатель теоретического образа жизни. Сократ в V в. до н.э. через свое влияние на Еврипида губит греческую трагедию, а в XX в. н.э. платонизм губит истину политического бытия людей. Ницше с негодованием пишет:

До Сократа в хорошем обществе чурались диалектических манер: они считались дурными манерами, они компро-

⁵ Лишь во вторую очередь Сократ логик, который инициировал поиск общих определений (см. Аристотель. Метафизика. 1078b20). Стагирит ненадежный источник сведений о Сократе, которого он знает по чужим текстам. Кроме того, Аристотель говорит буквально следующее: Сократ интересовался этической добродетелью и первым стал искать общие определения. Греческое «и» здесь вполне допустимо прочесть как «и поэтому», как следствие. Даже в этом тексте логический вопрос вторичен по отношению к философской проблематике. Вопрос о добродетели — это вопрос о бытии лучшего.

⁶ *Deleuze G. Nietzsche et la Philosophie. Presses universitaires de France, 1962. P. 86.*

метировали... Что сперва требует доказательства, то имеет мало ценности⁷.

Ницше противопоставляет декадента Сократа и «благородных», «лучших» людей. В доме Калликла собралось именно «хорошее общество». Но первый вопрос, который задает Сократ, буквально значит: в чем мощь, сила, способность искусства Горгия (τίς ἡ δύναμις τῆς τέχνης τοῦ ἀνδρός, 447c)? Логический интерес у Сократа не первичен, он возникает после претензии Горгия на уникальность, на первенство, на обладание лучшим, на власть над другими людьми. Доказательства требует власть Горгия, а не логическая теорема. Горгий предлагает (ἐκέλευε) всем собравшимся задавать ему вопросы, какие *кто из присутствующих в доме* пожелает (ὅτι τις βούλοιο τῶν ἐνδον ὄντων), и обещает ответить *на все подряд* (πρὸς ἅπαντα, 447c). Мощь искусства Горгия проявляется в полном владении речевой ситуацией в доме Калликла, среди присутствующих: на любой вопрос-вызов он даст достойный ответ. Уже в этой формулировке скрыто противоречие: *абсолютная* власть, которая действует на *ограниченном* пространстве. Это противоречие между абсолютным и ограниченным Горгий не разрешит, свобода его речи всегда лимитирована, причем самим Горгием, с первой фразы. Сократ выставляет это противоречие на всеобщее обозрение. Логическая форма лишь зафиксировывает реальность. Горгий тут же сам нарушает видимые пределы сцены:

я утверждаю, что ни разу за много лет никто не задал мне вопроса, который бы меня озадачил (οὐδεὶς μὲ πω ἠρώτηκε καινόν, буквально: «никто не спросил у меня ничего нового») (448a).

Горгий не довольствуется властью над тем, что «здесь и сейчас», в своей фантазии он претендует на абсолютное господство

⁷ Ницше Ф. Сумерки идолов. Проблема Сократа, 5 // Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1990.

над всякой речью, над всем вообще, что может быть сказано. Вот что такое подлинно суверенная речь. Претензия Горгия обоснована тем, что он владеет искусством⁸. Что такое искусство (τέχνη)? Об этом говорит Пол:

люди владеют многими искусствами, искусно открытыми в опыте. Ты опытен — и дни твои направляет искусство, неопытен — и они катятся по прихоти случая (448с).

Искусство — это то, что позволяет человеку противостоять случаю, вероятности, судьбе, проходить испытание при встрече с реальностью. Искусный властвует над случайностью, он повелитель судьбы. Горгий бросает вызов случаю, представленному случайными вопросами случайных людей, собравшихся в доме Калликла. Состязание искусства и случая — это спор уникальности и вероятности. Искусство слова — нечто исключительное, большинство людей непричастны ему, их речь несвободна, она подчиняется случаю. В споре обычных людей шансы участников равны. Вероятность успеха рассчитывается математически. Искусство позволяет игнорировать все расчеты и среднюю вероятность успеха. Горгий одолеет любого, — и это невероятно! Это и есть свободная речь, она аномальна, противостоит норме и большинству, ей чужда обычная справедливость. Если тема справедливости в речи Горгия возникает, то только *вынужденно*, как признак того, что его претензия на абсолютную свободу наталкивается на некоторое ограничение.

О том, что такое искусство, рассказывает Пол, а не Горгий. Пол — удивительный персонаж, он постоянно выбалтывает то, что другие скрывают, для него свобода речи не достижение. Его описание искусства позволяет понять, в чем заключена проблематичность свободы мастера. Искусный — «лучший» в некото-

⁸ Горгий — суверен режима настоящего. Режим настоящего задается формулой: настоящее в смысле нынешнего = настоящее в смысле подлинного. Все подлинное уже представлено, нет ничего нового. В режиме настоящего торжествует репрессия нового, будущего, неизвестных и аномальных возможностей.

рой области опыта. Он — господин в своей сфере, пределы которой важно знать, ведь она может затрагивать интересы других людей. Горгий старательно «прикрывает», ограничивает область своего могущества («присутствующие здесь люди»)⁹. Однако Пол не видит нужды в ограничениях: для него очевидно, что область искусства слова — не просто «дом Калликла», речь идет о «прекраснейшем из искусств»:

Меж всеми этими искусствами разные люди избирают разное в разных целях, но лучшие избирают лучшее. К лучшим принадлежит Горгий, который причастен самому прекрасному из искусств (488с).

Искусство слова претендует на власть над другими искусствами. Когда Сократ спрашивает: «что это за искусство?» (448е), он не просто требует определения. Проблема Горгия в том, что он страстно желает, но не смеет расширить сферу влияния риторики. Горгий не упускает случая похвалить свое искусство, благодаря которому он достиг процветания в чужом городе. Но он может сказать только — я лучший среди присутствующих, не смея открыто претендовать на первенство в городе. Сократ заставляет Горгия точно определить сферу применения красноречия (450с)¹⁰: «на что направлена скрывающаяся в речах сила?» (ἡ περὶ τί ἐν λόγοις τὸ κῦρος ἔχουσα ῥητορικὴ ἐστίν; 451а). Горгий вынужден признать, что красноречие — это способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ в Народном собрании (452е). Такова реальная, политическая, сцена для проверки искусства Горгия, которую софист утаивал, демонстрируя красноречие в частном доме. Сократ доволен: «сейчас ты ближе всего показал, что ты понимаешь под красноречием». На

⁹ «Прикрытие» своего искусства — это софистический прием, о котором идет речь в «Протагоре». От софистического «прикрытия» один шаг до философского «эзотеризма», о котором пишет Л. Штраус.

¹⁰ Но другие искусства также не обходятся без слов, однако в некотором смысле они молчат — это эзотеризация искусств, отсутствие коммуникации вовне.

этой сцене Горгий не рискует говорить свободно¹¹. «Полис», а не «дом», — вот *режим истины* для Горгия. В своем режиме истины человек отвечает за сказанные слова — неверное слово может стоить жизни¹².

Горгий признает, что в полисе искусство слова неизбежно касается темы справедливости (454b). Но справедливое, законы — это область абсолютной суверенности полиса. Чужак не смеет претендовать на то, чтобы определять справедливое в афинском обществе. Поэтому Горгий сразу же соглашается с Сократом, что он всего лишь внушает веру в справедливое, но никак не знание (455a)¹³. Но это не спасает Горгия, ведь веру отличить от знания просто: знание суверенно, оно — собственность обладающего знанием, вера — заимствованное понимание о справедливом, чужое мнение. Если оратор внушает веру в справедливое, он лишает афинян суверенного знания справедливости, как бы совершает государственный переворот. Теперь, когда условия речи Горгия полностью выявлены, Сократ сам просит софиста рассказать о божественной силе красноречия ἡ δύναμις τῆς ῥητορικῆς... δαιμονία (456a). Прежде Горгию было нетрудно прославить мощь своего искусства, но теперь происходит перелом, причем без вмешательства Сократа. Горгий произносит длинную *свободную речь*, ему никто не препятствует (а прежде Сократ мешал Горгию, заставляя его давать краткие ответы). Но внезапно похвала красноречию, торжество свободной речи превращается в ее оправдание:

¹¹ Определение определяет, поскольку связывает речь, выявляет сцену, которая оказывается пределом свободы, ограничением, накладываемым внешней репрезентацией. Но кто фиксирует эту репрезентацию? Не Сократ, но Горгий. Горгий сам определяет пределы своего искусства и своей речи.

¹² У Горгия в споре с Сократом нет шансов уже после того, как был обнаружен неудобный для софиста режим речи, сцена. Проигрыш происходит уже в этот момент, проигрыш уже в том, что такой режим вообще существует, это делает невозможным полную откровенность.

¹³ Доддс ошибается: не Платон обвиняет Горгия в том, что его искусство внушает лишь веру, а не знание, но сам Горгий охотно признает это в беседе с Сократом. Горгий заранее оправдывается, хотя его даже еще не успели обвинить (Dodds E.R. Introduction // Plato. Gorgias. Oxford, 1979. P. 10).

не существует предмета, о котором оратор не сказал бы перед толпою убедительнее, чем любой из знатоков своего дела. Вот какова сила моего искусства. | Но к красноречию...надо относиться так же, как ко всякому прочему средству состязания [исключительность вдруг уступает место обыкновенности, нормальности, и тут же возникает тема справедливости — А.Г.]. Ведь и другие средства состязания не обязательно обращать против всех людей подряд по той лишь причине, что ты выучился кулачному бою — ...не обязательно по этой причине бить друзей, увечить их и убивать... красноречием надлежит пользоваться по справедливости... ненависти, и изгнания, и казни по справедливости заслуживает злоумышленник, а не его учитель (456b–457c).

Горгий искусно маневрирует между различными сценами полисного пространства, он мастер своего дела. Но он учит других, менее искусных, получает за это плату. В таком случае красноречие может быть опасным и несправедливым, тогда отвечать за ученика придется его учителю. Горгий заранее заготовил себе *апологию* на черный день (в платоновской «Апологии Сократа» тема ученичества также затрагивается). Поспешная апология компрометирует все претензии софиста на абсолютную власть своего свободного слова. Сократ спрашивает Горгия, стоит ли продолжать¹⁴. Горгий сомневается. Сократ сводит, наконец, рассуждение к формальному противоречию: если красноречие учит справедливости, то ученик оратора не может быть несправедливым. К чему тогда апология? Чего боится Горгий? Горгий не способен объяснить стесненность своей речи. Он замолкает, в разговор вступает другой собеседник.

Пол не понимает реального контекста свободной речи Горгия и причин его поражения, усматривая в происходящем какое-то

¹⁴ Сам Сократ уверен, что продолжать беседу стоит, ведь «нет для человека зла опаснее, чем ложное мнение» (458a). «Ложное мнение» — это не логическое противоречие, а нечто «этическое», зло.

логическое недоразумение¹⁵. Пол принимает политическую ситуацию за логическую, упрекая Сократа в неподобающем ведении разговора (буквально: «неотесанном», «деревенском»)¹⁶. Сам Пол открыто говорит вещи, которые Горгий предпочитает не озвучивать. Пол также предлагает любому спрашивать его, кто о чем вздумает, поскольку уверен, что сможет ответить (462a). Но почему же свободна речь Пола? Сократ предлагает объяснение: в Афинах вообще принята свобода речи, это афинская демократическая норма. По какой же причине полис ограничивает речь Горгия, но не препятствует речи Пола? Ведь они оба чужие в этом городе. Решение этого любопытного вопроса по-настоящему раскрывает нам Пола, наиболее недооцененного персонажа в диалоге. Если Горгий — прославленный софист, а Калликл, даже если он фиктивный персонаж, все равно увлекает читателей своими радикальными взглядами, то Пол, реальная историческая фигура, оратор, автор учебника по красноречию, ничем особенным не примечателен. Его беседу с Сократом можно было бы считать самой унылой частью дискуссии, не будь одного обстоятельства: Пол совершенно *обычный человек*, но нет большей экзотики в платоновских диалогах, чем обычные люди. Сократ у Платона нередко беседует со столь выдающимися личностями, что читателю требуется напоминать о том, что порой встречаются и обычные люди. Так, например, происходит в «Государстве», где Сократ предлагает первый скромный набросок справедливого полиса, для которого у его собеседников не находится других слов, кроме бранных: «город свиней». Вовсе нет, нормальный, здоровый город, отвечает Сократ, вполне годный «для меня». И это для Сократа, которого Федр в одноименном диалоге называет «атопичнейшим», то есть буквально самым неуместным, необычным человеком! Аномальный Сократ выступает в

¹⁵ «Горгий постеснялся не согласиться с тобой, Сократ... отсюда в рассуждении возникло какое-то противоречие, а ты и радуешься» (461c).

¹⁶ Но грубость в беседе порой оказывается необходимой заменой реального политического насилия (именно поэтому так груб Фрасимах в «Государстве»).

«Государстве» на стороне нормы, а в «Горгии» он находит верные слова для беседы с обычным человеком, с Полом. Норма не является проблемой для аномального Сократа. Это удивительное обстоятельство, к которому мы еще вернемся.

Речь нормального человека в обществе, гарантирующем свободу слова, свободна — вот что по сути говорит Пол. Это политический идеал, почитаемый и сегодня. В чем проблематичность этого идеала? Пол не замечает переключения между сценами, где выступает Горгий. Для Пола сцен испытания в принципе не существует, *поэтому* он уверен, что его речь свободна. Но для Горгия определенная сцена («полис») определяла реальность существования, поскольку там решался вопрос жизни и смерти. Как получает доступ к своей реальности Пол, если он не ориентируется на условия своей речи, не замечает различий между выступлением в частном доме и в народном собрании? Сократ делает поразительную вещь: он наглядно изображает невидимый план, в пределах которого замкнута свободная речь Пола. Для этого не годится знание плана города, но подходит другая наука, также связанная с различением мест — геометрия. Пол и Сократ беседуют на «языке геометрии» (ᾠβλερ οἱ γεωμετρῶν, 465b). Отнюдь не любой способен говорить на этом языке: Калликл, например, его не выносит. Но именно на этом языке общается большинство людей.

Естественно, геометрия, о которой идет речь, не связана с построением геометрических фигур и доказательством теорем. Она скорее относится к тому, что можно назвать операциями с распределенным пространством, части которого сравнивают между собой, подставляя в отношения и пропорции. Это вовсе не примитивная, доевклидова геометрия, напротив, лишь в XX в. философы догадываются обобщить все такого рода манипуляции с распределенными пространствами, равным образом применимые к школьной геометрии, к продвинутой науке и к повседневному мышлению, и дать им сводное имя — логика репрезентации, логика наглядного представления и манипуляций с

уже представленным. Такова логика науки, но и логика человеческой нормальности вообще, логика правильного, рационального, аналитического, *последовательного* мышления. В XX в. философы говорят, что такое мышление всегда как бы связано с некоторым рисунком, репрезентацией реальности, «картиной мира». Сократ в «Горгии» аккуратно вырисовывает изображение, сцену, внутри которой полностью помещается свободная речь Пола. Почему Сократ догадывается, как нужно говорить с Полом? Пол молод («молодой и шустрый, настоящий жеребенок», 463e), но уже не юнец, родом из Сицилии, он приехал в Афины искать счастья. Пол опытен, но не испытан. Он не знает, что откровенное слово встречает сопротивление. Это может значить только одно: Пол — нормальный человек, его речь банальна, поэтому она не знает границ, ведь ей не приходится их преступать. Калликл позже ставит диагноз: Пол — стреножен и взнуздан (482e). Именно этот диагноз, нормальность Пола, Сократ демонстрирует *more geometrico*.

Если верить Полу, искусство возникает как бы само собой, автоматически, именно поэтому он совершенно не озабочен тем, что доставляет головную боль Горгию, — проблемой власти искусства. Искусство, самозарождающееся естественным образом, безопасно. Эмпирия адаптивна, она приспособливается к условиям, а не меняет их. Сократ проводит первую геометрическую линию раздела: он отличает искусство от простой опытности. Искусство не адаптивно, но активно, оно способно выдержать испытание — эленхос¹⁷, а значит, оно способно преодолевать нормы и ограничения, устанавливать свою власть, править людьми.

¹⁷ «Позднейшее, более техническое, употребление существительного мужского рода ἔλεγχος необходимо понимать в контексте судопроизводства, где оно в более узком смысле указывает на опровержение утверждений противной стороны в результате их испытания или проверки» (Ausland H. Forensic Characteristics of Socratic Argumentation // 'Does Socrates Have a Method?': Rethinking the Elenchus in Plato's Dialogues and Beyond / Ed. G.-A. Scott. Penn. State UP 2002. P. 37).

Сократ предлагает нелестную репрезентацию, определяющую низкое место красноречия среди других занятий:

«политическое», активное, благо (τὸ βέλτιστον)		«угодническое», реактивное, наслаждение (τὸ ἡδύ)	
душа	тело	душа	тело
законодательство	врачевание	софистика	поварское дело
судопроизводство	гимнастика	<i>красноречие</i>	украшение тела

Схема прочерчивается с помощью дихотомий: различие «по природе» (465c), по линии свое / чужое (465b), знание / вероятность (οὐ γνοῦσα ἀλλὰ στοχασαμένη, 464c)¹⁸. Эта картина противоречит тезису Пола, что красноречие способно выступить против случайных обстоятельств, быть подлинным искусством. Сократ поселяет в этой логической картине Пола и предлагает посмотреть, как он выберется из лабиринта. Поначалу Пол возмущен: риторы — это тираны в городе, убивают кого захотят, отнимают имущество, отправляют в изгнание (466c). Красноречие не может занимать столь низкое место. Пол вновь по неосмотрительности открывает правду: в Афинах царит *тирания риторики*. Такая правда может стоить риторю жизни. Горгий ее боится, а Пол даже не замечает опасности. Для него это апелляция к очевидности, к мнению большинства присутствующих, к тому, что является для него самым вероятным претендентом на истину. Сократ возражает парадоксально, вопреки любой вероятности: тираны и риторы обладают самой незначительной силой, ведь они не делают того, что хотят. Пол совершенно не готов к тому, что речь — как своя, так и чужая — способна сообщать нечто, выходящее за рамки общепринятого и банального. Он не находит слов для возмущения: «нет, вы послушайте!», «несусветный вздор!».

Странная ситуация: Пол — нормальный человек, говорящий о преимуществах тирании. Сократ — аномальный человек, говорящий о справедливости. Но Пол не способен сказать о своей теме ничего исключительного, речь «правильного» человека о тирании крайне беспомощна. Сократ спрашивает Пола, что

¹⁸ Без этих различий наступит «неразличимость» (ἀκρίτων ὄντων, 465d).

такое тираническая свобода. Пол отвечает: «свобода делать в городе, что сочтешь нужным — убивать, отправлять в изгнание — одним словом, поступать, как тебе вздумается». Но Сократ замечает, что такого рода «неслыханной тиранической властью» (τυραννὶς θαυμασία) обладает любой, кто явится с кинжалом на рыночную площадь (469cd). Исключительное оказывается самым банальным, аномалия — нормой. Пол не обладает знанием удивительного, «таумы», дива, (а философия начинается с удивления), поэтому он вновь заимствует чужой пример: Архелай пошел на все мыслимые преступления ради власти над Македонией (470d). Большинство людей позавидуют его счастью. Но Сократ готов в одиночку выступить против толпы лжесвидетелей, его интересует только согласие самого Пола. Сократ выдвигает свои невероятные («атопичные», 473) тезисы:

- C1) риторы и тираны не делают того, что хотят (467b);
- C2) лучше претерпевать несправедливость, чем поступать несправедливо (469b);
- C3) несправедливый несчастлив (471ad);
- C4) несправедливый особенно несчастлив, если остался безнаказанным (472e);
- C5) лучше понести наказание за совершенную несправедливость, чем остаться безнаказанным (474b).

На что рассчитывает Сократ с такими невозможными утверждениями? Против него выступит большинство людей, за него — разве только истина. Но этого достаточно: истину нельзя опровергнуть. Сократ дает определение: истина — это то, что выдерживает все испытания (τὸ ἀληθὲς οὐδέποτε ἐλέγχεται, 473b). Только подлинное искусство причастно истине и реальности, такое искусство обладает властью, а значит и преображающей силой. Сократ геометрически показывает, как нормальный человек Пол, ориентирующийся на мнение большинства, беспомощен против любой аномальной власти, в том числе искусства (в данном случае диалектического). Нормальный человек обладает самым абстрактным видением реальности. Он верит в последовательность ходов, в правила вывода, но не видит за картиной мира действи-

тельность. Для начала Сократ производит простой эксперимент. Педантичный Пол не может не признать, что:

- П1) причинять несправедливость отвратительнее, чем терпеть несправедливость (474c).
- П2) но считает, что терпеть несправедливость хуже, чем причинять несправедливость (ср. С2).

Сократ вычерчивает мысленный лабиринт, границы которого оказываются для Пола неприступными. Вот первоначальный расклад, изображающий разногласие во мнениях:

- причинять несправедливость отвратительно ($\alpha\iota\sigma\chi\rho\acute{o}\nu$) = хуже (С2);
- терпеть несправедливость = хуже (П2).

Сократ приводит аргумент, принуждающий Пола к согласию:

- прекрасное = добро \Rightarrow (негация) отвратительное = зло \Rightarrow С2.

Пол не способен преодолеть этой простой логической схемы и сдается (475e). Некоторые исследователи считают, что аргумент Сократа ошибочен: в нем смешивается этика и эстетика, отвратительное понимается то как некрасивое, то как нежелательное. Но смысл беседы в ином: Пол не способен преодолеть даже самую надуманную репрезентацию. Слабость аргумента говорит больше о Поле, который подчиняется логике, чем о Сократе, который ее использует. Как мы увидим дальше, Калликла такая логика совершенно не способна сдержать. Добившись скромного успеха, Сократ отваживается уже на подлинную интеллектуальную авантюру. Пол не может не признать исходной посылки:

- П2) справедливое всегда прекрасно (476b), но считает, что
- П3) для несправедливого понести наказание все же хуже, чем быть безнаказанным (ср. С5).

Пол быстро уступает Сократу в том, что несправедливость — это зло для совершившего ее, как болезнь — зло для того, кто ее носит. Но Сократ не останавливается на достигнутом, он заставляет Пола двигаться все быстрее по намеченной колее, и по инерции мышления тот приходит к уже совершенно нетривиальным выводам:

если твой враг несправедливо обидел другого человека, нужно всеми средствами... добиваться, чтобы он остался безнаказанным и к судье не попал. А коли все-таки попадет, надо подстроить так, чтобы твой враг благополучно избежал наказания, и если наградил много золота, ничего бы не возвратил, а несправедливо, нечестиво растратил на себя и на своих, если же совершил преступление, заслуживающее смертной казни, то чтобы не умер, лучше всего — никогда (пусть живет вечно, оставаясь негодяем!) или во всяком случае прожил как можно дольше, ни в чем не изменившись (481a).

В конце концов даже на основании предпосылок, согласующихся с мнением большинства, собеседники приходят к заключению, явно расходящемуся с общепризнанным. Для Пола это означает отсутствие ориентиров. Он загнан в угол: «Мне, Сократ, это кажется нелепым («атолическим»), но с тем, что говорилось раньше, у тебя, по-видимому, все согласуется». «Согласие всего со всем» для Пола самое главное, это предел его свободной речи, его независимого суждения о реальности. Норма оказывается неспособной противостоять натиску аномалии.

По сравнению с Полем Сократ в этой части беседы груб, агрессивен, почти неприличен¹⁹. Но всякая исключительность неприлична на фоне общепринятого. Платон в отличие от современных мыслителей (Х. Арндт, М. Хайдеггер) не считает норму, банальность злом, она часть его полиса, более того, она часть каждого человека. Она пассивно допускает другим решать за себя, что такое реальность, что такое добро и зло, что такое справедливость. Но, значит, она готова к *принятию* справедливости, причем весьма радикального толка. Впрочем, как и крайней несправедливости, для которой у нее находятся вполне рациональные житейские объяснения. Арндт в «Истоках тоталитаризма» пишет об этом поразительном свойстве преступных режимов: их

¹⁹ «Что это, Пол? В твоём возрасте — и уж такая слабая память? Что ж с тобой дальше будет?» (466a). (Ср. Фрасимах в «Государстве» — «дикий зверь».)

массовая идеология отличается удивительной логической стройностью. Арендт делает вывод, что логика виновата: для достижения политической свободы необходимо отказаться от логики нормы и репрезентации, нужно делать ставку на уникальность политического суждения.

Образцовый случай посредственного человека, творящего величайшее зло, описан в книге Арендт «Эйхман в Иерусалиме». Эйхман мыслит нормативно, аналитично, он, по собственному признанию, вообще кантианец. Формальная правильность умозаключений ничуть не мешает ему планомерно организовывать массовые убийства. Но есть и обратный случай, когда нормальный человек, отдающий себя в полную власть рациональных доводов, допускает величайшую несправедливость по отношению не только к другим, но и к себе. Как показала И. Протопопова, у рассуждений некоторых платоновских персонажей обнаруживаются поразительные сходства с аргументами героев маркиза де Сада²⁰. Добродетель Жюстины чисто рассудочного свойства²¹. Ритор Пол, обычный человек, в иных обстоятельствах — это Жюстина или Эйхман, причем это не его выбор, а случая, судьбы, вероятности, которые определяют модель нормальности в самых ненормальных условиях. Но для Платона и Сократа посредственность не является проблемой, потому что они верят в активную силу философии. Постнищсеанцы не доверяют философии или видят в ней лишь нового морального тирана, поэтому нормальность у них всегда заранее проклята. Нормальность становится злом, тогда как воплощение зла для Платона и Сократа — тиран. Постнищсеанцы полагают, что умение Сократа говорить на языке геометрии делает его рационалистом, рупором приличного, морального поведения. Однако Сократ — аномальный человек,

²⁰ Протопопова И. Философ и тирания желания: маркиз де Сад в зеркале Платона // НЛО № 6 (112), 2011. С. 78–92.

²¹ «...добродетель, как бы прекрасна она ни была сама по себе, бывает тем не менее наихудшим выбором, какой только можно сделать, когда она оказывается слишком немошной, чтобы бороться с пороком» (Маркиз де Сад. Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели. М., 1991).

беседа с Полом — пример его справедливости, мирная встреча аномалии с нормой.

В беседу Пола и Сократа вторгается *Калликл*. Он — воплощение трансгрессии, преодоления норм и границ, антипод нормального человека, выразителя мнения большинства. Калликл — любимый антиплатонический персонаж европейской постницшеанской мысли. Делез фактически отождествляет Калликла и Ницше:

Сходство поразительное... кажется, что Ницше близок к Калликлу, а позиция Калликла получает естественное завершение у Ницше²².

Делез пытается показать, что в споре с Сократом Калликл все-таки первенствует. Этот спор — важное состязание, результат которого оспаривается уже две тысячи лет.

Для Калликла невыносим «язык геометрии», использованный в беседе Пола и Сократа. С точки зрения постницшеанцев, язык геометрии, вообще научный язык, язык рациональности, нормы и справедливости — это и есть родной язык платонизма, вызывающий у них «аллергию». Европейские мыслители XX в. изобретают в пику Платону совершенно иной язык, язык свободы, спонтанного желания. Калликл — это как бы агент свободы, направленный из будущего в прошлое, дающий достойный ответ платоновскому Сократу. Но может быть и наоборот. За три года до Делеза Доддс, автор классического комментария к «Горгию» (1959)²³, также обнаруживает сходства между Калликлом и Ницше, но высказывает прямо противоположную версию: «Ницше был во многих аспектах своей мысли незаконным и нежелательными порождением (off-spring) Платона»²⁴. Сказанное о Ницше можно, пожалуй, распространить и на постницшеанцев.

²² Deleuze G. Nietzsche et la Philosophie. Presses universitaires de France, 1962. P. 66.

²³ Dodds E.R. Appendix: Callicles, Socrates and Nietzsche // Plato. Gorgias. Oxford, 1979. P. 387.

²⁴ Ibidem. P. 390.

Калликл в своей яркой речи высказывает главные претензии, которые европейские мыслители XX в. адресуют Сократу и Платону. Калликл настаивает на двух приоритетах: политики перед философией и природы перед законом. В первом случае к Калликлу могла бы присоединиться Арендт, утверждающая почти то же самое в своей лекции «Философия и политика»²⁵. Но — удивительное дело — Арендт, хотя и вспоминает диалог «Горгий», обходит позицию Калликла молчанием. Во втором случае на стороне Калликла выступили бы Хайдеггер и Делез²⁶. Когда Сократ говорит на языке геометрии, он дает повод думать, что это родная речь философии. Однако между Полем и Сократом существенная разница: Сократ — аномален, он гораздо ближе к Калликлу.

Калликл — один из самых загадочных персонажей платоновских диалогов, о котором в афинской истории ничего не известно, кроме того, что сказано в диалоге «Горгий». Исследователи спорят о том, считать ли вообще Калликла реальным или фиктивным лицом²⁷. Доддс считал Калликла реальной исторической личностью. Он объяснял отсутствие сведений тем, что Калликл погиб совсем молодым в годы афинской гражданской смуты²⁸.

²⁵ *Arendt H. Philosophy and Politics // Social Research. 1 (57). 1990. P. 73–103.* Арендт убеждена, что платоновская философия изобретает политическое управление, делает целью политики справедливости, а значит подавляет свободу.

²⁶ Хайдеггер говорит о приоритете фюсической, природной истины-непотоптенности перед научной истиной-правильностью. Делез противопоставляет логику различия, имманентную природе и спонтанному желанию, логике репрезентации, которой пользуется для своего утверждения капиталистическое Государство и наука Нового времени.

²⁷ Доддс и Керферд полагали, что Калликл был реальным человеком, см.: *Dodds E.R. Introduction // Plato. Gorgias. Oxford, 1979. P. 12–15; Kerferd G.B. The sophistic movement. Cambridge University Press, 1981.*

²⁸ Слова Сократа («[афиняне], может быть, напустятся на тебя, если ты не остережешься», 519a) этот комментатор интерпретирует как «предсказание после события». Поэтому образ Калликла следует включить, наряду с фигурами Сократа, Алкивиада (а также Крития и Хармида), в галерею исторических персонажей, которые подлежали забвению после восстановления демократии.

Даже если так, в 380-е гг., когда создавался диалог, через 20 лет после 404 г. (*terminus ante quem* диалога «Горгий»), Платон был чуть ли не единственным, кто еще помнил Калликла. Даже имя его было стерто из памяти большинства афинян, не говоря уже о его взглядах. В любом случае, автор диалога обладал чрезвычайной свободой в создании этого персонажа. Калликл — изобретение Платона. Платону не нужно было опровергать взгляды реального Калликла. Напротив, для выполнения авторской сверхзадачи, демонстрации аномальной свободы и справедливости Сократа, Платону приходится изобрести «идеального врага». Но именно «идеальный враг», Калликл, оказывается самым дружественным к Сократу из всех участников диалога (485e). Между ними много общего, Сократ охотно шутит на этот счет:

мы с тобой, [Калликл], ныне испытываем одно и то же — мы оба влюблены, и каждый — в двоих сразу: я — в Алкивиада и в философию, ты — в афинский демос и в Демоса, сына Пирилампа (481d).

«Влюблены» (ἐρῶντε) — Эрос движет как Сократом, так и Калликлом. Эрос — эллинское имя аномалии, трансгрессии, преодоления норм, правил, расчетов и вероятности. Об этом пишут Фукидид, Аристофан, Геродот, этому посвящены диалоги Платона «Пир» и «Федр», об этом «Илиада» Гомера. Сократ не хуже самого Калликла или современных философов знает язык свободы и спонтанного желания²⁹. В «Пире» Сократ даже утверждает, что τὰ ἐρωτικά — это вообще единственное, что он знает. Но в том же диалоге Сократ различает два вида эротической трансгрессии: тираническую и философскую. Ровно об этом их спор с Калликлом.

Калликл без труда покидает пределы логической сцены, ставшей ловушкой для Пола. Калликл раскрывает секрет успеха Со-

²⁹ Пол говорит, что слова Сократа преступны (σχέτλια) и выходят за естественные пределы (ὕπερφυῆ, 467b) — то есть они свободны как от лояльности закону, так и от подчинения природе.

крата: тот сыграл на невозможности для Горгия и Пола преодолеть стыдливость, сказать вещи, неприятные большинству (482се). Стыдливость — это боязнь выразить желаемое по природе из опасения преступить предписанное законом. Сократ «коварно играет словами»: он апеллирует то к природе (желанию собеседника), то к закону (стыдливости и «нормальности» собеседника), чтобы в итоге привести собеседника к самопротиворечию (желание собеседника вступает в противоречие с его стыдливостью). Использование двойной логической бухгалтерии позволило Сократу «стреножить» собеседников и обосновать свои тезисы.

Но Калликл не из таких, его речь откровенна и свободна, это признает Сократ (487d). Калликл не испытывает стыда, не боится откровенной речи (*παρρησία*), он — «парресиаст» (ср. 487d). «Парресия» и условия веридикции философской речи — это тема М. Фуко, который открывает ее для себя в последние годы жизни через интенсивное чтение Платона, в том числе диалога «Горгий». Калликл откровенно выбирает правду природы и без стыда утверждает, что по природе хуже и постыднее терпеть несправедливость, чем причинять ее, пусть это и противоречит мнению большинства. Крайне важно обоснование, приведенное Калликлом: переносить несправедливость — это удел рабов (483b). Калликл — отважный протагонист свободы в этом диалоге. Законы и установления большинства людей направлены на подавление свободы, на превращение людей в рабов. Большинство людей слабы (483b), «нормальны» — они *охотно*, по доброй воле, довольствуются равной для всех участью, и разговор Сократа с Поллом лишний раз подтверждает этот тезис Калликла. Но есть другие люди, исключительные по природе, им всегда мало назначенного по норме. Их природа не способна удовлетвориться посредственной жизнью, их свобода преступна и нелегальна. Нарушение общественных установлений, социальной справедливости — для таких людей справедливое по природе, поскольку, стремясь к аномальной свободе, выдающийся человек воздает

должное своей природе. Словно предвосхищая современную критику репрессивной власти общества и практик социализации, Калликл говорит:

мы [общество] берем [лучших и решительных людей] в детстве, словно львят, и приручаем заклинаниями и ворожбою, внушая, что все должны быть равны и что именно это прекрасно и справедливо. Но если появится человек, достаточно одаренный природой, чтобы разбить и стряхнуть с себя все оковы, я уверен: он освободится, он втопчет в грязь наши писания, и волшебство, и чародейство, и все противные природе законы и, воспрянув, явится перед нами владыкою бывший наш раб — вот тогда-то и просияет справедливость природы! (483e–484a)

Эти слова Калликл подтверждает цитатой из Пиндара, где прославляется «царь-закон» (484b), закон природы, превосходящий все человеческие предписания. Речь завершается утверждением приоритета политической жизни перед философией. Философией следует заниматься в меру, «ради образования», в юношеском возрасте (484c–485a). Избыток философии губит человека. «Задержавшись» в философии, человек остается «без того опыта, какой нужен, чтобы стать достойным и уважаемым» гражданином (484d)³⁰. Человек оказывается зажат в своем поведении: он смешон (484e), в нем что-то рабское (485c), он теряет мужественность (485d), лишен славы, сторонится «середины полиса», обречен на маргинальное прозябание, неспособен на «свободное, громкое и дерзновенное слово» (ἐλεύθερον... καὶ μέγα καὶ ἰκανὸν μηδέποτε φθέγγασθαι, 485e). Философия постыдна (486a). Рокковой для философии оказывается любое серьезное столкновение с реальной жизнью³¹. Философия — бессильна, поэтому она

³⁰ Само по себе отсутствие опыта не губительно, но без опыта не развивается умение утверждать себя в столкновении с неблагоприятными обстоятельствами.

³¹ «если бы сегодня тебя [Сократ] схватили... и бросили в тюрьму, обвиняя в преступлении, которого ты никогда не совершал... ты оказался бы совершенно

гибельна в момент испытания. Калликл заранее уверен в победе над Сократом, но из дружбы не злоупотребляет своим преимуществом. Сократу просто повезло встретить друга, в иных обстоятельствах его ожидает гибель.

Грандиозная речь Калликла — это *locus classicus*, на двух страницах платоновского текста собраны все ключевые темы современной европейской мысли. Здесь можно увидеть, как превосхищаются: «сверхчеловек», белокурая бестия (Ницше), логика различия, имманентность природы (Делез), дисциплинарная власть знания (Фуко), истина политики перед философией (Арендт), истина поэзии перед философией (Хайдеггер), но самое главное — это оправдание и утверждение аномальной свободы, творческой свободы «художника с бронзовым взглядом». Калликл говорит о самом важном, о достоинстве человеческого бытия: «может ли в самом деле быть счастлив человек, если он раб и кому-то повинуется? Нет!» (491e). Подлинный творец не может стыдиться своей свободы, иначе он совершает преступление против себя и своего призвания в этом мире. Природный закон — закон неравенства и *различия*, когда благом обладает лучший (484c). Природная справедливость не принимает в расчет норму, большинство, других людей, сообщество. Она всегда проявляет себя как власть экстраординарного, чуда.

Калликл называет имя того, кто возвышается над большинством, — это тиран. Феномен тирании невозможно понять, полагаясь на рассуждения обычного человека, такого, как Пол, который не ведает аномальной свободы. *Разговор о тирании не касается ее истины, если не видеть в тирании радикальный ответ на проблему человеческой свободы.* Иначе невозможно понять, о какой истине по-прежнему говорит Хайдеггер, в 1953 г., в скандальном тексте «Введение в метафизику», упоминая о национал-социалистическом движении. Невозможно понять, почему в сво-

беззащитен... предстал бы перед судом, лицом к лицу с обвинителем, отъявленным мерзавцем и негодяем, и умер бы, если бы тому вздумалось потребовать для тебя смертного приговора» (486ab).

ем курсе «О сущности истины» 1934 г. Хайдеггер интерпретирует «Государство» Платона, говоря о том, что идея блага — это «просвет бытия», реальность, к которой прикасаются лишь немногие избранные, самые выдающиеся художники и поэты, что это и есть высшая человеческая свобода. И тут же, на лекции, призывает нового вождя нации быть еще более радикальным в установлении революционной власти.

Если мы скажем, что никакой философской проблемы здесь нет, то мы останемся вместе с Полем, на уровне представлений о тирании людей, никогда не сталкивавшихся с потребностью в свободной речи. Постницшеанцы ожидают от нас именно этого. Они уверены, что любые опровержения Калликла сводятся к тому, что Сократ уже высказал на «геометрическом» языке. С этой точки зрения, разница между Сократом и Полем невелика. Даже в свое описание философии Калликл как бы подставляет вместо Сократа нормального человека, того же Пола. Это Пол никогда не знал испытания, и поэтому даже не понимает, как возможно дерзновенное слово. Это он не смог бы ничего возразить обвинителю, который потребовал бы для него смерти, обосновав приговор рациональными доводами. Это Пол, как замечено выше, лишен мужества, и в определенных условиях его ожидает участь Жюстины. Но именно к этой моральной норме среднего человека, по мнению современных антиплатонистов, и стремится редуцировать человеческую свободу Платон в диалоге «Горгий»: Калликл изображает Сократа Полем, а Сократ как бы заставляет Калликла признать себя Полем; диалог между ними стопорится на середине, на торжестве абсолютной банальности. Ответить Сократ сможет, только показав реальность своей философии. Откровенность собеседника радует Сократа, он мечтает пройти новое испытание, еще приблизиться к истине. Встреча с Калликлом — исключительный случай. Это новый опыт, состязания с Горгием и Полем уже не способны проверить Сократа. Калликл — лучший «из тех камней, которыми берут пробу золота» (486d).

Сократ знаком с обоими языками — геометрическим и эроти-

ческим — на которых говорят его собеседники. Но Калликл делает то же умозаключение, что и многие европейские философы XX в., решившие, что все дело в выборе верной логики мышления. Способность Сократа к переключению между языками свободы и справедливости они понимают только как стремление обмануть и подавить свободу: в отличие от Пола Сократ знает, что такое аномалия, но использует свое знание, якобы, только для того, чтобы привести аномалию к норме. Разговор Калликла с Сократом дает повод к такому суждению. Сократ хвалит умеренный образ жизни, умение довольствоваться тем, что имеешь, душевную гармонию, добродетель, даже описывает в общих чертах геометрически правильное устройство космоса. Это благопристойная и посредственная картина, в ней нет ничего выдающегося, а значит, нет и простора для аномальной свободы. Для постнищешанцев это «конец философии» (Хайдеггер). Однако на данной картине нет самого Сократа. Сократ — атопичнейший, буквально «не имеющий места». Нет такой сцены, такого места в городе или логики мышления, которые могли бы стеснить его свободу. Ничего еще не потеряно. Геометрически правильный мир — не ограничение свободы, но лишь выражение справедливости.

Сократ не считает выбор определенного способа мышления решающим. Главное — сохранить верность себе. Никакая логика не достаточна для обладания истиной, которая открывается только в испытании себя, в самопознании. Сократ охотно ведет разговор с Калликлом на его языке: «всего лучше начать... с различия» (500d). В языке Калликла истина различия должна соблюдаться. Откуда у Калликла знание блага? Свое благо, лучшее по природе — это реализация, цель свободы. Лучшее должно быть исключительным, но это не так:

Калликл: «кто хочет прожить жизнь правильно, должен давать полнейшую волю своим желаниям, а не подавлять их, и как бы ни были они необузданны, должен найти в себе способность им служить (вот на что ему и мужество,

и разум!), должен исполнять любое свое желание» (492a); истина — это «роскошь, своеволие, свобода» (492c).

Калликл претендует на свою исключительность, но требует удовлетворять любое желание *без разбора*. Его уникальность почему-то выражается в стремлении ко всему подряд. Но творческая личность избегает пошлости, искусный мастер умеет отбирать лучшее. А кто не чувствует различия, остается как бы непосвященным в таинство (493a). Искусство не терпит неразборчивости. Сократ пробует повторить трюк, проделанный с Полом. Он набрасывает логическую картинку:

- Если расчесывание зуда — причина низкого, постыдного удовольствия,
- некоторые удовольствия не достойны выбора, не благо (495).
- Следовательно, удовольствие — не благо.
- Благо нельзя определять как удовлетворение желаний.

«Геометрического» доказательства было бы достаточно для Пола, но Калликл принципиально говорит на другом языке, так сказать, «иррационально», поэтому он отвечает: все равно удовольствие есть благо, я не хочу противоречить *себе*. Но совсем не значит, что Калликл действительно сохраняет верность *себе*, ведь в данном случае просто хочет, чтобы его поступки противоречили *правилам* рассуждения. Калликл также ориентируется на определенную схему мысли, которая требует отвергать все, что признает большинство людей. Но когда Калликл отвергает мнение большинства, он еще не получает знание своего уникального блага, он всего лишь отвергает чужое, общепринятое. Калликл тоже заперт в логическом лабиринте, более того, у них с Полом по сути один и тот же лабиринт, просто Калликл снаружи, а Пол внутри. Но открытость, простор пребывания на свободе почему-то не освобождает Калликла от лабиринта. Он постоянно возвращается к нему, чтобы постучать по стенам, удостовериться, что это не сон. Он ведет себя, как персонажи де Сада, для которых

признак реальности — чужая боль³². Ни у кого из них нет *своего, автономного* выхода к реальности, не указанного на плане.

Калликл уступает: «Я уже давно слушаю тебя, Сократ, и все поддакиваю... ты все равно радуешься, как мальчишка. Будто ты не знаешь, что и я, и любой другой прекрасно отличаем лучшие удовольствия от худших!» (499b) Калликл говорил о различии, но тогда он должен признать различие удовольствий. Ведь конечная цель — это утверждение своего отличия от других людей. Но чем ближе к этой цели, тем менее свободна речь Калликла. У него нет собственного знания блага, поэтому остается только опровержение общепринятого, но это еще не свобода. Калликл начинает «поддакивать» Сократу, его свободная речь спотыкается, наконец, он признается, что продолжает беседу лишь в угоду Горгию (501c). От свободы его речи ничего не осталось, и Калликл отказывается от участия в беседе (505d–506c).

В финале «Горгия» Сократ фактически разговаривает с собой. Это суверенная речь Сократа, аномально свободного человека. Но она справедлива. Почему? Но не лучше ли спросить, почему же нет? Что за логическая связь между свободой и справедливостью? Зачем Калликлу быть *несправедливым в собственном доме*, где он господин? Проблема, лишившая Калликла дара речи, свойственна только его логике, и Сократ выставляет ее на всеобщее обозрение. Действительно, нет никакой связи между стремлением к *своей* свободе и необходимостью совершать несправедливость в отношении *других*. Первое исключительно, второе относится к соблюдению норм и правил. Как признают Калликл и современные философы, это не просто две разные проблемы, но два разных языка, непередаваемые и непонятные друг другу. Ни следование общепризнанному (Пол), ни негация общепризнанного (Калликл) еще не приводят к лучшему для себя. Испытывая

³² «...если человек испытывает боль, то ему трудно обмануть наблюдателя». Маркиз де Сад. Цит. соч. С. 201. Протопопова И. Цит. соч. С. 86: «вызываемая 'субъектом желания' чужая боль оказывается предельным основанием объективности бытия, гарантом реальности как всеобщности».

отвращение к большинству, Калликл постепенно уподобляется предмету своей ненависти, потому что у него нет иного доступа к реальности, кроме противоречия тому, что нравится большинству. Калликл признается, что вынужден «прислуживать» демосу (521a). Несостоявшийся тиран становится рабом.

Но если все просто, почему воспроизводит себя ошибка, связывающая свободу с несправедливостью?

Эта ошибка «выживает» благодаря теме смерти. Есть лишь один аргумент в пользу этой связи, он несколько раз упоминается в «Горгии». Реальность для Горгия и Калликла — это сцена, в которой решается вопрос о жизни и смерти. Эта сцена — политическое пространство города. Только в явлениях политической жизни нам становится доступной реальность (Арендт). Отказ признать значимость этой сцены — малодушие, так поступают те, кто сторонится «середины полиса», кто не готов к настоящему испытанию. Поэтому Калликл постоянно возвращается к месту столкновения с большинством, здесь происходит единственное испытание его свободы, здесь он неизбежно несправедлив. Разговор с Сократом он за испытание не считает. Но полисная сцена на самом деле ничем не выделяется среди прочих. Смерть может застать человека и в морском путешествии, смерть — это вообще нечто уникальное в каждом случае. Когда мы связываем финальную сцену, на которой для каждого из нас решается вопрос жизни и смерти, с официальной жизнью полиса, мы всего лишь подчиняемся воле большинства. В этом испытании нет ничего особенного. Отказ от того, чтобы считать эту сцену главным испытанием, не значит отказа от испытания вообще. Свободу Сократа не могут сдерживать никакие сцены, но что подсказывает ему, что испытание началось? Только он сам: Сократ рассматривает каждую встречу как новое испытание, поэтому разговор с Калликлом ему очень важен. Сократовская диалектика — это непрерывная череда сцен испытания. В каждом аргументе речь идет о жизни и смерти, решается вопрос о ре-

альности. Стремление к самопознанию — философское дело, не тираническое:

философ... занимается собственными делами, не вмешиваясь попусту в чужие (526с).

Эта формула перейдет из «Горгия» в «Государство», которое можно теперь определить как суверенный логос, выдержавший испытание своей свободой. Но и в финальной части «Горгия» Сократ пользуется суверенным словом — он рассказывает мифы. Миф — это справедливое слово, произносимое господином настоящего. В мифе нет следов борьбы за свободу, поэтому миф высказывается на геометрическом языке, в нем распределяется некоторое пространство. Именно это распределение и есть справедливость. Но от мифа нельзя просто так отмахнуться, поскольку в его основании сама истина, то есть речь, выдержавшая все испытания своей свободой.

Один из мифов, рассказываемых Сократом, финальный миф, говорит о суде над душами умерших людей, который вершат Минос, Радамант и Эак, сыновья Зевса. В мифе говорится о пространственных распределениях: достойные отправляются на Острова блаженных, недостойные попадают в Тартар. Арндт ошибочно полагает, что такого рода платоновские мифы запугивают читателей и страхом принуждают к моральности. Но Сократ прекрасно знает, что Калликлу его «рассказ покажется басней, вроде тех, что плетут старухи» (527а). Ирония в том, что даже бессильной басне Калликл не способен ничего противопоставить, ведь это суверенная речь. Другой миф в «Горгии» — космологический. Сократ описывает космос, дружески объединяющий различия: «небо и землю, богов и людей» (508а). Эта же «четверица» воспроизводится у Хайдеггера в послевоенном тексте «Вещь»: «земля и небо, божества и смертные»³³. Хайдеггер

³³ Хайдеггер М. Вещь // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 324. Хайдеггеровский текст выдержан в той же трансполитической модальности, что и финальный миф в «Горгии».

нередко платонизирует, но он либо говорит о свободе, как в курсе 1934 г. о сущности истины, либо о космической справедливости, как в этом сочинении.

В диалоге «Горгий» Платон решает вопрос об отношении свободы и справедливости, о переводимости между этими двумя языками. Только свободный может быть справедливым, только справедливый высказывается о реальности. Остальным приходится замолчать и принять миф — либо пройти испытание.